

Алхимия и психоанализ

Жаринов Е.В., Оболонский Ю.В.¹

¹ Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Получено: 10.12.2016
Опубликовано: 30.12.2016

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

алхимия, психология, психоанализ, Фрейд, Юнг, архетип, сознание, подсознание, бессознательное, коллективное бессознательное.

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются вопросы возможностях изучения подсознания человека и описывается предыдущий опыт мировых учёных в этой области.

Alchemy and psychoanalysis

Zharinov E.V., Obolonskiy Yu.V.¹

¹ Bauman Moscow State Technical University, Russia

ARTICLE INFO:

Received: 10.12.2016
Accepted: 30.12.2016

KEYWORDS:

alchemy, psychology, psychoanalysis, Freud, Jung, archetype, consciousness, subconscious, unconscious, collective unconscious

ABSTRACT:

The article considers the issues of possible studying of the human subconscious and describes the previous experience of the world scientists in this area.

CITATION

Жаринов Е.В., Оболонский Ю.В. Алхимия и психоанализ // Живая психология. — 2016. — Том 3. — № 4. — С. 229-238. — doi: [10.18334/lp.3.4.37466](https://doi.org/10.18334/lp.3.4.37466)

Zharinov E.V., Obolonskiy Yu.V. (2016) Alkhimiya i psikhoanaliz [Alchemy and psychoanalysis]. Zhivaya psikhologiya. 3. (4). — P. 229-238. doi: [10.18334/lp.3.4.37466](https://doi.org/10.18334/lp.3.4.37466)

Сейчас, кажется найдется не много людей, которые ничего не слышали о психоанализе, учении о подсознательном или архетипах. Благодаря главному популяризатору массовых идей — Голливуду — герой фильма, талантливый психиатр, очень часто участвует в каком-нибудь запутанном расследовании или помогает найти маньяка-убийцу, оказавшегося во власти своих демонов, буквально материализовавшихся из глубин большого подсознания. Достаточно вспомнить фильмы «Молчание ягнят» или «Основной инстинкт», чтобы понять, о чем идет речь, хотя бы в общих чертах.

Действительно, с психоанализом мы знакомы на уровне криминальной драмы. Правда, знакомы довольно поверхностно. Психоанализ, можно сказать, занял определенное место в общей структуре массовой культуры. В книге «Dance Macabre» Стивен Кинг писал: «Есть монстры внешние, которые прилетели к нам из космоса (например, фильм Камерона «Чужие»), а есть монстры внутренние, о существовании которых мы и не подозреваем, пока они не дадут о себе знать, всплыв неожиданно из глубин нашего подсознания. Борьба с этими чудовищами и является выражением чуть ли не основного конфликта тех произведений, которые и отмечены наибольшим коммерческим успехом». Я бы сказал, что сейчас возникла даже своеобразная мода на психоанализ. Писатели и режиссёры смело пускаются на поиски Минотавра, который ждет нас в темных и запутанных лабиринтах нашего подсознания.

По мнению Зигмунда Фрейда, понятия психической нормы просто не существует. Все мы, так или иначе, балансируем на грани безумия. А кто такие безумцы, с точки зрения этой теории? Безумцы — это люди, сумели так глубоко погрузиться в собственное подсознание, что просто не

нашли в себе сил всплыть на поверхность. Но бессознательное — это неотъемлемая часть человеческой психики. В структуре человеческой психики сознание — образование позднее и локальное. Возникнув из потребности контролировать социальную жизнь человеческих сообществ и охранять ее от разрушительного действия инстинктов и эмоций, оно лишь тонкой пленкой покрывает бурлящий и волнующий океан бессознательного, всегда грозящий прорвать эту пленку и выплеснуть на поверхность общественной или личной жизни. Здесь можно еще раз вспомнить о нашумевшем в свое время триллере «Молчание ягнят». Доктор Лектор и есть воплощение такого неудержимого бунта подсознания.

По Фрейду, именно из бессознательного художники и черпают свои потрясающие и необычные образы. Получается довольно странная диалектика: с одной стороны — бунт подсознания — это разрушение, а с другой — взрыв творческой энергии. Этот процесс в психоанализе называется сублимацией. Получается, что художник напоминает героя греческих мифов Тезея, который с помощью ариадниной нити находит способ выбраться из запутанного лабиринта своего собственного «я», убив перед этим чудовище Минотавра, а затем, выбравшись на солнечный свет, символизирующий сознание, принимается рассказывать нам, простым смертным, о своих приключениях. Вот она, скрытая история, на которой покоится психология любого творчества — как научного, так и художественного. Тот, кто творит — сублимирует, то есть сначала общается со своим подсознанием, а затем представляет результаты этого общения в формулах, таблицах или запоминающихся образах.

Всем известно, что падающее яблоко натолкнуло Ньютона на открытие закона

всемирного тяготения, упрощенная формула которого выглядит следующим образом: $F = mg$. Так, во всяком случае, нас учили в школе. А великий химик Д.И. Менделеев именно во сне увидел будущую периодическую систему. Но сон и есть то состояние человеческой психики, в котором наиболее сильно дает знать о себе наше бессознательное. Одна из работ Зигмунда Фрейда так и называется — «Психология сна». В ней он пишет: «Во времена, которые мы могли бы назвать преднаучными, люди не затруднялись в толковании сновидений. Вспоминая после пробуждения свой сон, они смотрели на него как на хорошее или дурное предзнаменование со стороны высших сил. С расцветом естественно-научного мышления вся эта остроумная мифология превратилась в психологию. И в настоящее время лишь весьма немногие из образованных людей сомневаются в том, что сновидение является продуктом психологической деятельности самого сновидящего».

Одна из ключевых работ того же Фрейда посвящена творчеству Леонардо да Винчи. И здесь вновь приходит на память сенсацию из области массовой культуры — роман Дэна Брауна «Код да Винчи». Что и говорить, ключевая фигура этот да Винчи: каким-то образом именно через него находят точки соприкосновения и учение о психоанализе Фрейда, и проблемы массового сознания, массовой культуры. Зигмунд Фрейд в своей знаменитой брошюре «Леонардо да Винчи», пытаясь понять, откуда великий художник и изобретатель черпал свое вдохновение, приводит пересказ одного очень важного сновидения. Сам да Винчи описывал свой младенческий сон, запомнившийся ему на всю жизнь, следующим образом: «Когда я лежал в колыбели, слетел ко мне коршун, открыл мне своим хвостом рот и несколько раз этим же хвостом ударил

меня по губам». Из этого короткого воспоминания о неясном детском сне Фрейд пытается выстроить целую теорию, в основе которой лежит прямая связь между подсознательными сексуальными влечениями художника и его творческой деятельностью, в которой эти самые сексуальные влечения приобретают форму конкретных художественных образов, что и называется сублимацией. Ворон из сна да Винчи в интерпретации Фрейда является символом кормящей матери. Но на этом исследователь бессознательно не останавливается и, в частности, пишет: «Здесь напрашивается одна догадка... В священных иероглифах древних египтян мать обозначается изображением коршуна». И далее Фрейд продолжает: «Можем ли мы предполагать о Леонардо эти сведения, когда чтение иероглифов удалось только Франсуа Шамполиону (1790-1832)».

Понятия психической нормы просто не существует

the concept of psychic norm does not exist

Вот они, лабиринты подсознания! Человек заключает в глубинах своей психики не только свой личный опыт, но и опыт всего человечества, всего доисторического прошлого. Зигмунд Фрейд, пытаясь объяснить связь коршуна и образ матери во сне да Винчи, пускается в следующие исторические изыскания. В частности, он пишет: «Займемся теперь вопросом. Каким путем древние египтяне дошли до того, что сделали коршуна символом материнства? Уже у греков и римлян религия и культура египтян сделалась предметом научной любознательности, и еще задолго до того, как мы сами научи-

лись разбирать египетские памятники, в нашем распоряжении были отдельные сведения об этом из сохранившихся произведений классической древности, произведений, отчасти принадлежавших таким известным писателям, как Страбон, Плутарх, Аммиан Марцеллин, а также дошедшая до нас под именем бога Гермеса Трисмегиста книга мудрости восточных жрецов. Из этих источников мы узнаем: коршун потому считался символом материнства, что полагали, что существуют только самки-коршуны, а самцов у этой породы птиц нет».

В этом обращении Фрейда к древним источникам нас больше всего интересует ссылка на текст Гермеса Трисмегиста. Уже в первой нашей статье об алхимии мы указывали, что именно религия Гермеса Трижды Величайшего и лежит в основе как алхимического, так и научного знания. Получается, что сон великого художника эпохи Возрождения Леонардо да Винчи каким-то странным образом мог

сексуальность заменил другим понятием — понятием архетипа, что давало всему учению психоанализа более глубокие перспективы.

Но что же такое архетип?

Если, по Фрейду, бессознательное (продукт индивидуальной жизни человека) есть вытесненная, «запрещенная» сознанием, загнанная им в глубины психики биологическая энергия, в первую очередь половая (либидо), то. По Юнгу, бессознательное имеет очень древнее, еще дочеловеческое, происхождение и существует независимо от сознания. Подобно телесной организации человека, его психическая организация имеет длинную, уходящими своими корнями в глубины биологической эволюции историю. И каждый этап этой эволюции, этой истории, запечатлется в структуре человеческой психики, оставляя в ней отпечаток в виде определенных психических образований (матричного типа), своеобразных психических комплексов, названных Юнгом архетипами. Накапливаясь в процессе эволюции, архетипы перестраиваются, перегруппировываются и организуют структуру психики. Будучи продуктом длительной эволюции, человеческая психика несет в себе океан информации. Умением извлекать эту информацию можно объяснить способность мистиков созерцать недоступный для обычного восприятия мир. Мистики словно «считывают» информацию, погружаясь в состояние транса, медитации. Психические образования матричного типа в виде своеобразных комплексов являются той нитью Ариадны, которая и ведет их по запутанным лабиринтам подсознания к *ἀρχαί*, к «бездне ядра», где происходит встреча космоса с самим человеком.

Архетип и есть, по Юнгу, форма существования коллективного бессознательного. Архетип всплывает в сознании

Из подсознания человек можете черпать креативные образы в творчестве

out of unconscious an individual can draw
creative images in creative works

быть связан с трактатами первых европейских алхимиков. Так уже в первых работах по психоанализу делается первая, еще не совсем ясная ссылка на эзотерический опыт алхимиков.

Всем известно, что швейцарский психоаналитик Карл Густав Юнг был учеником Зигмунда Фрейда до тех пор, пока их взгляды на природу подсознательного не вступили в серьезное противоречие.

Если Фрейд все пытался свести к проблеме сексуальности, то его ученик Юнг

в виде персонифицированных и вещественных образов. Наиболее распространенным персонифицированным образом, хорошо знакомым каждому человеку, является его «тень», его внутренний оппонент, двойник, с которым он постоянно ведет диалог. В массовой беллетристике это нашло свое воплощение в знаменитой повести Стивенсона «Странная история доктора Джакеля и мистера Хайда». Все помнят рассказ о том, как милый добрый доктор Джакель изобрел эликсир, с помощью которого он мог превращаться по ночам в злого и ужасного мистера Хайда. Рассказ Стивенсона был вдохновлен повестью Ф.М. Достоевского «Двойник». Заметим, что впервые тема «двойника» возникает в творчестве немецкого романтика Э.Т.А. Гофмана еще в 1818 году, а тема «тени» — у немецкого романтика А. Шамиссо и у датского сказочника Г.Х. Андерсона. Сюда же можно отнести и замечательный рассказ А.П. Чехова «Черный монах», главный герой которого Андрей Васильевич Коврин все время видит своим внутренним взором некоего черного монаха. В рассказе история черного монаха представлена автором следующим образом: «Тысячу лет тому назад какой-то монах, одетый в черное, шел по пустыне, где-то в Сирии или Аравии... За несколько миль от того места, где он шел, рыбаки увидели другого черного монаха, который медленно двигался по поверхности озер. Этот второй монах был мираж... От миража получился другой мираж, потом от другого — третий, так что образ черного монаха стал без конца передаваться из одного слоя атмосферы в другой. Его видели, то в Африке, то в Испании, тот в Индии, то на Дальнем Севере... Наконец, он вышел из пределов земной атмосферы и теперь блуждает по всей вселенной, все никак не попадая в те условия, когда он мог бы померкнуть».

Мы привели здесь эту подробную цитату лишь потому, что она очень убедительно иллюстрирует, что такое архетип как проявление коллективного бессознательного. Это и есть тот персонифицированный блуждающий образ, который тянет нас в глубокое прошлое, где не было индивидуального, где человек через обряд и ритуал, как через пуповину, был связан с утробой Матери-Природы.

Как мы можем судить, литература не прошла мимо этого мощного архетипа. По Юнгу, в «тени» персонифицируются темные, мрачные, отрицательные качества человеческой души. Это оборотная сторона осознаваемой человеком собственной личности. Черный монах в рассказе Чехова становится причиной гибели Коврина, его психика разрушается, и он умирает.

Другой, столь же распространенный персонифицированный образ, обусловленный гормональной (мужско-женской) двойственностью каждого человека, назван Юнгом «анима» (женское в мужчине) или «анимус» (мужское в женщине). В детстве для мальчика анима — это образ всемогущей матери, для девочки анимус — образ всемогущего отца. В зависимости от жизненных обстоятельств и от личных качеств человека такой архетип может выступать либо как персонифицированное добро, либо как персонифицированное зло: змей-искуситель или божественный отрок, демон или ангел, богиня или ведьма — вот некоторые персонификации этого образа.

Вспомним, что в нашумевшем триллере «Молчание ягнят» маньяк-убийца снимал кожу со своих жертв-девушек, собираясь сшить себе платье, чтобы хотя бы внешне сменить пол — это и есть архетип анима, или сильное женское, скорее, материнское начало, которое взяло верх и подчинило себе, наверное,

еще в глубоком детстве, мужское начало, став основой глубокой психической патологии. В данном случае анима приобрела зловещий разрушительный вид наподобие какой-нибудь древней богини Иштар, шумерской богини, которая впоследствии у кельтов приобрела вид двойственного божества, и в этом дуальном качестве ее отрицательный аспект требовал постоянных кровавых жертв. Все действие фильма происходит в Америке, где живет много выходцев из Ирландии. Древние верования их предков никуда не исчезли. Ритуалы сохранились в глубоком подсознании в виде соответствующих архетипов. Маньяка-убийцу ищет агент ФБР в исполнении прекрасной актрисы Джоди Фостер. У нее свои проблемы с тем же самым архетипом, который, правда, в ее случае представлен не в виде анима, а в виде анимуса, то есть в положительном образе все сильного отца-полицейского, воплощающего собой Абсолютное Добро. Именно поэтому героиня Джоди Фостер пошла в ФБР. Ее жизненный сценарий словно написан рукой отца — героя, погибшего при исполнении своего долга. Но и у этой светлой героини есть свой «скелет в шкафу». Мать вышла замуж за другого, и отчим в отличие от погибшего отца-героя стал его полной противоположностью. «Молчание ягнят» — это очень многозначное название и оно, прежде всего, говорит о душевной травме самой героини: детский образ светлого отца вступил в конфликт со злым отчимом. Архетип анимус словно раздвоился, приобрел свою «тень». Получился какой-то Двуликий Янус. Но образ Двуликого Януса пришел к нам из глубокой древности, из первобытных времен, когда сознание человека не было еще индивидуальным, но в то же время не было оно и дуальным, а скорее, цельным, когда человек всецело ощущал себя частью племени,

а племя — частью Вселенной. Архетип и есть форма воплощения коллективного бессознательного. Это коллективное бессознательное в виде странного женского божества, в виде анима, взорвало сознание личности, сделав эту самую личность больной, маниакально одержимой. По-своему одержимой стала и героиня Фостер, которая идет по следу маньяка-убийцы в триллере «Молчание ягнят».

Другим архетипом, по Юнгу, является архетип мудрого старца. Это персонифицированный образ смысла, созерцаемый обычно во сне или в мистическом трансе.

Всего Юнг обозначил шесть основных архетипов, но его последователи не остановились на достигнутом, и в результате архетипов оказалось значительно больше. Впрочем, сам Юнг дал для этого немалый повод, неожиданно увлекшись изучением средневековой алхимии. Его знаменитые фундаментальные труды на эту тему: «Психология и алхимия», «Aion. Исследование феноменологии самости», «Mysterium coniunctionis» поразили всех своей сложностью и запутанностью изложения. Ученики Юнга принялись расшифровывать и трактовать алхимические труды по алхимии своего наставника. Смысл этих трактовок сводился к тому, что архетипов, оказывается, может быть бесчисленное множество. В результате получалось, что наше осознанное «я» есть ничто иное, как целостная мозаичная картина, составленная из бесконечного количества архетипов при доминировании одного из них. Если доминируют два или несколько архетипов, то наступает раздвоение, растроение и вообще распад личности. Доминирование архетипов может быть попеременным, и тогда личности в человеке сменяют одна другую с определенной периодичностью.

В старину подобное явление называлось одержимостью бесами: считалось,

что бесы (чужие личности) вторгаются в человеческое сознание извне и, существуя рядом с его личностью, заставляют человека совершать неблагоприятные поступки помимо его воли. Юнг же своей теорией коллективного бессознательного показывает, что человек постоянно содержит в своей душе целый легион, и что так называемое «вселение бесов» есть ни что иное, как раздробление личности архетипами коллективного бессознательного в силу ослабления контролирующего действия сознания.

Один из последователей Юнга Эрик Г. Эриксон написал знаменитый труд «Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование». В котором все возникновение протестантизма связал с игрой различных архетипов в сознании Мартина Лютера. Работа получилась весьма убедительной. Вывод: каждая гениальная личность — это не одна личность, а сразу несколько, это игра архетипов, это опасное скольжение на краю бездны, бездны нашего подсознания, которое является, по Юнгу, лишь зеркалом, отражением куда более глубинного коллективного бессознательного.

Значит, наше творческое начало почти полностью зависит от игры архетипов и от умения все-таки управлять этой игрой, сохраняя доминанту одной из многих наших личностей. Получается, что творчество всегда граничит с безумием, потому что если другие архетипы возьмут над тобой верх, то твоя личность попросту разрушится, распадется на бесчисленное множество составляющих. Но причем же здесь все-таки алхимия, и почему Юнг с такой страстностью предался ее изучению?

Известен факт первого знакомства швейцарского ученого с наследием средневековых философов. Произошло это во время врачебной практики в результате непосредственного опыта общения

с одной из пациенток. Рассказывая о своих страшных снах, пациентка выразилась в том духе, что ей привиделся некий орел, который во время полета принялся выдергивать перья из собственных крыльев. Каково же было удивление психоаналитика, когда он никак не мог проинтерпретировать этот сон. Случайно Юнг наткнулся в какой-то книге, посвященной средневековой алхимии, на иллюстрацию, в которой орел во время полета как раз занимался тем, что выдергивал себе клювом перья из крыльев. Стало ясно, что сон пациентки — это проявление неведомого еще Юнгу архетипа, и архетип этот был зафиксирован средневековыми искателями философского камня.

Однако любовь Юнга ко всякого рода эзотерики уходила своими корнями в юношеские годы великого исследователя. Еще в студенческий период жизни, кроме детального изучения философии, Карл Густав Юнг увлекся литературой по аст-

Познание себя не может осуществляться только рациональным путем

self-discovery can be realized only by using the rational way

рологии, нумерологии и другим «окультурным» наукам. Он принимал участие в спиритических сеансах, тем более что дальняя родственница Юнга была медиумом, и ее состояния транса были неподдельными, причем однажды в сообщении одного из духов она, малограмотная девушка, изложила детальным образом космогонию гностиков-валентиниан. Эти наблюдения легли в основу докторской диссертации Юнга «О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов» (1920). От наивной веры в спири-

туализм он вскоре отошел, но гностицизм назвал «первой любовью».

В автобиографической книге «Воспоминания, сновидения, размышления» К.Г. Юнг пишет: «Традиция, идущая от гностиков, казалась мне прерванной, долгое время я не видел возможности установить какой-нибудь мостик, соединяющий гностиков или неоплатоников с современностью. Лишь когда я стал изучать алхимию, я обнаружил, что она исторически связана с гностицизмом, и благодаря ей существует некоторая преемственность между прошлым и настоящим. Уходящая корнями в натурфилософию Средневековья алхимия и явилась мостом, который, с одной стороны, был

получил чрезвычайно холодный отзыв, после чего упал духом, разочаровавшись в своей деятельности, и в конце концов закончил жизнь самоубийством. Став первым мучеником на попрание использования алхимии в психологии, он, тем не менее, привлек к ней внимание.

Знакомство с переведенным Р. Вильгельмом китайским трактатом «Тайна Золотого Цветка» опять возвратило Юнга в самую сердцевину алхимических тем и интересов. Он обнаружил, что и китайская восточная, и западная алхимическая традиции непосредственно связаны с символизмом трансформации человеческой души, а Золотой Цветок фактически является аналогом Философского Камня. Именно в алхимическом символизме Юнг обнаружил родство психики западных и восточных людей. Комментируя работу Р. Вильгельма, он говорил, что пытается построить мост психологического взаимопонимания между Западом и Востоком.

Алхимическая философия рассматривала мир как состоящий из *prima materia* — первоматерии, то есть основы всего. Присущие *prima materia* качества описывались тремя принципами — духа, души матери.

Принято считать, что алхимики стремились высвободить дух из объятий материи (первозадача любого учения гностиков) и осуществить *coniunctio* — соединение духа и тела. Для того чтобы, опускаясь в бессознательное, не «утонуть» в нем и не «раствориться», они разработали процедуру трансмутации через жесткий и контролируемый процесс ментального, физического, энергетического и даже химического преобразования вещества, что позволило им «всплыть» из бессознательного и осуществить *coniunctio*. Это открытие алхимиков и заметил Юнг. Он гениально развил его своей знаменитой книге «Психоанализ и алхимия».

Процесс постижения себя требует дисциплины и серьезной подготовки.

the process of knowing yourself requires discipline and serious training.

обращен в прошлое — к гностикам, с другой же — в будущее, к современной психологии бессознательного. Последней положил начало Фрейд, введя классические мотивы гностиков — сексуальность, с одной стороны, и жесткую отцовскую авторитарность, с другой».

В 1926 году Юнга посетил замечательный сон. Он увидел себя в XVI столетии в образе алхимика, занимающегося *opus* — Великим Деланием алхимии. Как раз перед этим Юнг вместе с другими психологами был заинтересован судьбой Герберта Силберера, ученика Фрейда, опубликовавшего в 1914 году работу, в значительной степени связанную с психоаналитическими применениями алхимии. Силберер с гордостью представил книгу Фрейду, однако неожиданно для себя

Но чем еще привлекла алхимия К.Г. Юнга? На этот вопрос прекрасно ответил его ученик Мари-Луи фон Франц в своей книге «Алхимия. Введение в символизм и психологию». По мнению фон Франца, алхимикам в своих поисках философского камня удалось раскрыть такие архетипы, которые не прошли еще цензуру нашего сознания. Так или иначе, все известные нам архетипы воспринимаются уже на уровне *ratio*. Они встроены либо в каноны иудо-христианской религии, либо какую-то иную религиозную традицию. Когда же речь заходит об алхимии, то из глубин нашего подсознания, благодаря внимательному изучению алхимических трактатов, могут всплыть такие монстры, такие непознанные архетипы, которые не укладываются ни в какие существующие ныне рациональные представления и логические объяснения. Это позволяет говорить о том, что наше подсознание подобно Марианской бездонной впадине, где вполне могут обитать неизвестные еще науке формы жизни, или, выражаясь терминологией психоанализа, неизвестные архетипы.

Но зачем это надо? Зачем с помощью алхимии Юнг собирался, как в особо прочном батискафе, погрузиться в бездонную пропасть собственного «Я»?

Если архетипы, по теории психоанализа, и есть основа нашей креативности, нашего творческого потенциала как в науке, так и в искусстве, то чем больше мы будем знать о них, чем глубже проникнем внутрь собственного «я», тем убедительнее будет та информация, которую смогут считать как ученые будущего, так и писатели, и художники всех направлений *future art*.

Познание не может осуществляться только рациональным путем. В своей книге «Психология и алхимия» Юнг дока-

зал, что западная рационалистическая цивилизация находится на ложном пути.

Процесс познания — это пристальное вглядывание в свой собственный мир, это считывание той, порой мистической, информации, которую несет в себе непознанный еще архетип. Этим во многом и занимались как алхимики Запада, так и их собратья с Востока.

Однако сам процесс постижения себя требует дисциплины и серьезной подготовки. Это не просто исследование с последующим описанием увиденного, скорее это погружение в жерло древнего, спящего вулкана, где неверные действия исследователя могут привести к необратимым, фатальным последствиям.

Под процессом подготовки мы понимаем комплексное, постепенное осознанное принятие себя. В первую очередь это работа со своими страхами, причинами их возникновения, зависимостями человека и его комплексами, что сковывают поведение и не дает возможность видеть Мир реальным.

Далее в нашем исследовании-погружении нас ждет работа с внутренними ресурсами, что помогают нам преодолевать стрессы. Стрессоустойчивость — необходимый элемент при работе со своим внутренним миром. Порой «внутренние демоны» выматывают нас сильнее, чем интенсивная тренировка в спортивном зале.

И вот, под пристальным наблюдением психолога-проводника мы сможем прикоснуться к основам нашего Я. В процессе изучения и постижения себя, Вы с удивлением откроете новый Мир, который не замечали, а самое главное — научитесь самостоятельно преодолевать трудности самосовершенствования, ставить цели и достигать их. В это удивительное путешествие мы Вас и приглашаем.

ИСТОЧНИКИ:

1. Зигмунд Фрейд. Толкование сновидений
2. Зигмунд Фрейд. О психоанализе
3. Юнг К.Г. Архетип и символ. — «Ренессанс» СП «ИВО-СиД», 1991.
4. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. / Пер. с англ.-К. — Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. — 384 с.
5. Юнг К.Г. Психоанализ и искусство. — Издательства: Рефл-бук, Ваклер, 1998.
6. Мартынов Л.М., Килина Ю.А. [Что способно активизировать творческие начала в инфоком менеджменте?](#) // Лидерство и менеджмент. — 2014. — Том 1. — № 1. — с. 47-54. — doi: 10.18334/lim.1.1.538
7. Морозов В.А. [Витально-ментальная экономика \(экономика ценностей человека, семьи, общества и природы\)](#) // Креативная экономика. — 2015. — Том 9. — № 11. — с. 1441-1450. — doi: 10.18334/ce.9.11.2086
8. Оболонский Ю.В. [Психологическая модель личности](#) // Живая психология. — 2014. — № 2 (2). — с. 52-60.
9. Оболонский Ю.В. [Универсальный образ аутентичного лидера](#) // Лидерство и менеджмент. — 2015. — Том 2. — № 4. — с. 251-264. — doi: 10.18334/lim.2.4.2096
10. Оболонский Ю. В. Общество и личность. / Монография. — Москва, 2009.

Morozov V.A. (2015). Vital'no-mental'naya ekonomika (ekonomika tsennostey cheloveka, sem'i, obshchestva i prirody) [Vital and mental economy (the economy of the values of humans, family, society and nature)]. Creative Economy, 9(11), 1441-1450. doi: 10.18334/ce.9.11.2086.

Obolonskiy Yu. V. (2009). Obschestvo i lichnost [Society and individual] Moscow. (in Russian).

Obolonskiy Yu. V. (2015). Universal'nyy obraz autentichnogo lidera [Universal Image of an Authentic Leader]. Leadership and Management, 2(4), 251-264. doi: 10.18334/lim.2.4.2096.

Obolonskiy Yu.V. (2014). Psikhologicheskaya model lichnosti [Psychological Model of Personality]. Zhivaya psikhologiya. (2 (2)). 52-60. (in Russian).

Yung K.G. (1991). Arkhetip i simvol [Archetype and symbol] «Renessans» SP «IVO-SiD». (in Russian).

Yung K.G. (1996). Dusha i mif: shest arkhetipov [Soul and myth: six archetypes] Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya yunoshestva. (in Russian).

Yung K.G. (1998). Psikhoanaliz i iskusstvo [Psychoanalysis and art] Izdatelstva: Refl-buk, Vakler. (in Russian).

REFERENCES:

Martynov L.M., Kilina Yu.A. (2014). Chto sposobno aktivizirovat' tvorcheskiye nachala v infokom menedzhmente? [What is able to activate the creative beginning in the Infocom-management?]. Leadership and Management, 1(1), 47-54. doi: 10.18334/lim.1.1.538.

Сведения об авторах:

Жаринов Евгений Викторович, доктор филологических наук, профессор, член союза писателей России
E-mail: lp@idbg.ru

Оболонский Юрий Владимирович, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: yury97@rambler.ru